

Разиньков Михаил Егорович

КОМАНДИРЫ И УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ В БОРЬБЕ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1918-1921 ГГ.)

В борьбе с повстанцами коммунистическая власть опиралась на местное население. В статье изучается вопрос о том, какие группы населения предоставляли бойцов для ведения боевых действий против повстанцев, исследуется их послевоенная судьба. Рассмотрены особенности ведения боя с восставшими крестьянами, причины ожесточения, проявившиеся в этом противостоянии со стороны красноармейцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 89-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты:** сб. статей и мат-лов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014. 624 с.
5. **Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы.** М.: Русская книга, 1992. 384 с.
6. **Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке** / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 751 с.

TAMBOV REBELLION: OPPORTUNITIES AND DIRECTIONS OF STUDY

Posadskii Anton Viktorovich, Doctor in History, Associate Professor
*Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration in Saratov*
Posadav68@mail.ru

The article is devoted to events in Tambov region in 1920-1921, which by now have brought to life very significant historiography and a corpus of documentary publications. However, many subjects remain unclarified, controversial, require further development. In the paper the author suggests considering promising and important, in his opinion, research subjects, implementation of which will allow obtaining new knowledge on the history of Tambov rebellion.

Key words and phrases: The Civil War of 1918-1922; peasantry; rebellion; Tambov province; historiography.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В борьбе с повстанцами коммунистическая власть опиралась на местное население. В статье изучается вопрос о том, какие группы населения предоставляли бойцов для ведения боевых действий против повстанцев, исследуется их послевоенная судьба. Рассмотрены особенности ведения боя с восставшими крестьянами, причины ожесточения, проявившиеся в этом противостоянии со стороны красноармейцев.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; борьба с повстанчеством; Красная армия; «колесниковщина»; «антоновщина».

Разиньков Михаил Егорович, к.и.н., доцент

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова
razinkov_mihail@mail.ru

КОМАНДИРЫ И УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ В БОРЬБЕ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1918-1921 ГГ.)

Борьба с крестьянским повстанчеством оставила свой след в памяти красногвардейцев и красноармейцев. Очевидно, что для них повстанцы вписывались в образ врага, бои и карательные экспедиции против них воспринимались как боевые заслуги и постоянно подчеркивались в воспоминаниях и документах послевоенного времени.

Биографические сведения участников борьбы против повстанцев показывают, что набирались они зачастую из местного населения, возглавлялись местными же ответственными работниками, опытными в военном деле. Иногда основу таких формирований могли составлять бывшие отряды самообороны. Так, активный участник боевых действий против повстанцев 1919-1921 гг. Г. А. Фролов еще в 1918 г. сформировал в Боброве отряд в несколько сот сабель, подавляя восстания в селах Чигла, Курлак, Тишанка. Его заслуги были отмечены двумя орденами Красного Знамени [4, д. 961]. Г. И. Краснолуцкий, прежде чем организовывать оборону Калача от наступающих колесниковцев, был участником калачеевской красной гвардии, военным комендантом Калача в 1918-1919 гг. [5, д. 3, л. 50-51]. М. Д. Гончаров перед тем, как возглавить отряд по борьбе с И. С. Колесниковым, был в 1917 г. председателем полкового комитета, работал в продовольственных комитетах, участвовал в подавлении казачьего восстания в ст. Казанской [Там же, л. 189]. Бывший солдат и военнопленный в 1915-1917 гг. А. Т. Новиков после возвращения в Воронеж был мобилизован в Красную армию, воевал в 1918 г. на Украине, в 1919-1920 гг. – в конных частях против войск ВСЮР и Русской армии. В дальнейшем он был принят в кавалерийский эскадрон при 1-м особом стрелковом полку, подавлявшем восстание в с. Терновка, до 1921 г. служил в реквизиционном отряде [3, д. 16, л. 36 – 40 об.]. А. В. Бганцев состоял с 1918 г. в комсомоле, уже в 15 лет был бойцом самообороны в с. Новая Криуша, влившимся затем в калачеевский отряд особого назначения [5, д. 3, л. 208]. Командир эскадрона В. В. Рублев до борьбы с И. С. Колесниковым был участником боев 1918 г. на Украине, воевал в 1919 г. в Красной Армии, попал в плен к гундоровцам, был начальником раймилиции Богучарского (или Павловского) уезда [Там же, д. 178, л. 29-33]. Командир Новохоперского ЧОН (1920-1922 гг.) К. Г. Ладонов был руководителем отряда краснянского восстания 1919 г. [2, папка 613]. Дружинником и, вероятно, левозеровским боевиком был командир 25-го батальона пехотных курсов В. И. Берсов, служивший последовательно в отряде при политотделе Временного революционного

комитета Воронежца, реквизиционном отряде Я. К. Абеля, Богучарском полку, а затем в отрядах, действовавших против повстанцев на территории современных Воронежской и Липецкой областей [3, д. 20, л. 103]. Участником боевых и карательных действий на территории Тамбовской, Саратовской и Воронежской губерний в 1917-1919 гг. был комбат 28-го стрелкового батальона ВЧК А. М. Мещеряков [Там же, л. 199].

Все это были стойкие, проверенные работники, воспринимавшие военные действия уже как ремесло. Некоторые имели мощную личную мотивацию к борьбе. Например, мотивация М. Д. Гончарова и А. В. Бганцева подкреплялась репрессиями по отношению к их семьям со стороны белых: расстрел отца, избивание жены и детей. Для них белые и повстанцы были явлениями одного порядка. Показательно, что многие участники военных действий не хотели оставлять военного ремесла, даже если их «карьер» в армии были не очень успешны. Так, А. Т. Новиков, Г. А. Фролов и партизанка Беляева попадали в плен (последняя трижды), подверглись жестокому избиванию, издевательствам, на их глазах казнили самых близких людей, Беляева лечилась после пыток не менее 2-х месяцев, но, тем не менее, они вновь и вновь возвращались в военные отряды [3, д. 16, л. 36 об., 37 об., д. 20, л. 150-151; 4, д. 961, л. 4].

В социальном отношении большинство упомянутых лиц были крестьянами, так что борьба в этом отношении приобретала внутригрупповой характер. Одновременно, если судить по конкретным биографиям командиров, именно выходцы из рабочей среды, в т.ч. и бывшие крестьяне, поработавшие в городе, отличались суровыми действиями по отношению к повстанцам (В. В. Рублев, Г. А. Фролов, А. К. Лисунов).

Если говорить о специфике боевых действий против повстанцев, то обе стороны были склонны к быстрым, неожиданным наступлениям и контратакам, которые молниеносно меняли ситуацию, но при слабой разведке делали военный успех неустойчивым. А. Т. Новиков вспоминал, как после занятия с. Терновка они смогли отразить неожиданное нападение колесниковцев, начали наступление на с. Калитву, но тут же потерпели сокрушительное поражение [3, д. 16, л. 39 – 39 об.]. Ситуацию с такой головокружительной сменой боевой обстановки объясняют воспоминания В. И. Берсова, который отмечал, что Калитву (Старую и Новую) попытались тогда взять силами одного батальона, «но один батальон ничего не мог сделать с бандами, т.к. банды оказались не одни, а на их стороне было большинство крестьянства восставших сел» [Там же, д. 20, л. 104]. Результатом стало сосредоточение огромных сил (до 8 тысяч) в Россоши и атака на села уже тремя колоннами.

Стороны стремились начинать бой неожиданно, нападали рано утром, иногда – ночью. В. И. Берсов вспоминал: «Метод банд брать врасплох сонных, и на этот раз банды так же на зорьке окружили село Евстратовку...» [Там же, л. 104 об.]. Аналогичную атаку предприняли красные: «В 12 часов ночи из нашей группы 1-я и 2-я роты курсов с двумя эскадронами кавалерии по флангам и артиллерией сделали вылазку военной демонстрации. Впереди группа в 15-20 чел. направилась в Новую Калитву, зажгла дом, стоящий на окраине, в это время наша артиллерия начала стрелять, а две роты курсов и кавалерии бросились с криком ура на Новую Калитву и сделали несколько залпов, вернулись обратно через реку Калитву в Старую Калитву» [Там же, л. 105].

Бои с повстанцами обычно были скоротечными, длились, видимо, не более часа-двух, но могли быть и длительными. А. В. Бганцев вспоминает 8-часовой бой с колесниковцами у Новой Криуши [5, д. 3, л. 208]. Скоротечность объясняется вполне материальными причинами – известным дефицитом патронов у повстанцев. В. И. Берсов рассказывал, что «у убитых бандитов в карманах оказалось по несколько патронов» [3, д. 20, л. 105]. Повстанческие части были очень неустойчивы в бою и в случае неожиданного нападения старались быстро рассеяться. Это косвенно подтверждают данные о потерях: 3-6 человек убитыми, 2-6 ранеными, брошенные обозные подводы (впрочем, часть раненых повстанцы увозили с собой). Отряд А. М. Мещерякова «2-го июня 1921 года, будучи расположен на площади сенокоса, что 20 вер[ст] южнее г. Тамбова, кругом в лесу обложен бандитским элементом, где узнал о сгруппировавшейся банде под предводительством бандита “МАТЮХИНА”, подходившего близко к расположению батальона и пытавшегося сделать на батальон налет врасплох, но тов. МЕЩЕРЯКОВЫМ был сделан обход в тыл противника и с эскадром быстрым и смелым налетом разбил все планы противника, рассеяв его по лесу, противником же оставлено 3 всадника с лошадьми убито и 2-ое ранено» [Там же, л. 200-201].

Наверное, наиболее сложным вопросом была борьба с неуловимыми малыми группами, имевшими поддержку у местного населения или запуганного ими. В. И. Берсов отмечал, что действовавшие в 1918-1919 гг. банды в районе Шипова леса «терроризировали все местное население, вели налеты на сельских активистов, не раз приходилось находить пред. сельсоветов, комсомольцев и других советских сельских работников повешенными на деревьях в лесу, банды не только делали налеты на активистов, но не пренебрегали и грабежом местного населения, а так же неоднократно перерезывали целые семейства в селах и сторожках лесников. Отряд Кандыбина неоднократно делал наступление на Шипов лес, но всякий раз безрезультатно, т.к. банды имели потайные ходы и выходы из леса. Лес тянется на десятки верст, а поэтому банды были неуловимы» [Там же, л. 106]. Уже после разгрома у Калитвы небольшой отряд отступавших повстанцев наткнулся на ехавших без всякого сопровождения председателя воронежского губчека Н. Е. Алексеевского и губвоенкома Ф. М. Мордовцева и убил их [1, с. 32; 3, д. 20, л. 105 об.]. Одновременно отмечалось, что «во всех селах, в которых оперировали банды Колесникова, как видно велась большая работа со стороны банд, т.к. даже по ликвидации банд, по этим селам долго существовали различные группы..., которые были враждебно настроены против соввласти» [3, д. 20, л. 105 об.].

В ходе боев с повстанцами проявились такие особенности ведения боевых действий, характерные для гражданской войны, как нападение на противника намного уступающими силами и связь местного населения (в т.ч. представителей администрации) с противоположной стороной. Так, командир отряда ЧОН

М. И. Грязнов вспоминал о банде в 250-300 чел., действовавшей в Павловском уезде, в районе с. Пузеевка, Потаповка и Михайловка в 18-20 км от Павловска. Его отряд, выступивший против бандитов, насчитывал 30 чел. и должен был предотвратить захват кожевенного завода. По свидетельству М. И. Грязнова, директор завода или его заместитель, а также председатель правления кожевников сотрудничали с бандитами. Для разгрома столь многочисленных повстанцев командир отряда применил «военную хитрость»: «Для психического усиления действительного огня с нашей стороны, по своей личной инициативе я ввел в бой, если так можно выразиться, 3-4 деревенские запряженные телеги с погонщиками лошадей, заставив ездить быстро по улице по мерзлой земле, от чего получался большой гул и треск, которые действительно как бы усиливали настоящий огневой шум и увеличивали психическую атаку на вражеские полчища» [2, папка 620]. Это, а также нападение ночью вызвало у повстанцев панику, и после 3-часового боя они были разбиты. В представлении к ордену Красного Знамени для А. М. Мещерякова значилось: «3. Особенно характерный случай был 1-го июля 1921 года проявлен в бою с бандой под командой главаря банды “КОМАРА” в селе Горелом Тамбовского уезда, что в 22 вер[стах]. северо-восточнее г. Тамбова, где получил приказание от бывшего комбата ТУЛУПОВА сделать налет на квартиру головаря банды “КОМАРА”, который по сведениям находился в отлучке у себя дома, и взяв с собой 4-х всадников кавалеристов, сделав налет на квартиру, где такового не оказалось, а там же им обнаружено в 80-ти шагах от дома бандита “КОМАРА” сгруппировавшийся отряд банды численностью до 40 всадников, на каковых тов. МЕЩЕРЯКОВ и бросился с 4-мя всадниками с криками “УРА” в атаку. Этим самым смелым и лихим налетом, привел противников в паническое бегство, причем за отделившимися двумя хорошо вооруженными бандитами погнался, одного из которых ранил, а последнего захватил, не имея ни одного патрона у себя в нагоне, – живым в плен. Пленный оказался командиром бандитского полка “АРТЮШКА”» [3, д. 20, л. 200].

Поскольку боевые действия против повстанцев зависели от помощи со стороны местной администрации и не носили регулярный характер, важны были преданность (а порой и личная отвага) местных партийных работников, а также умение быстро реагировать на сложившуюся чрезвычайную ситуацию. Тот же М. И. Грязнов с некоторой долей юмора вспоминал: «Зам. по политчасти (*Павловского ревкома? – Р. М.*), если не ошибаюсь, был т. Кириенко..., не в обиду ему будет сказано, труслив был как “заяц”, как почувствовал смертельную опасность, притворился больным и дезертировал» [2, папка 620]. М. Л. Радугин рассказывал о совершенно другой ситуации: «В конце 1922 г. в Александровский волысполком (*юг Воронежской губернии – Р. М.*) прибыл отряд в 8 человек, предъявившие удостоверения о том, что они сотрудники чека, спустя несколько часов выяснилось, что отряд не чекистов, а бандиты, которые арестовали всех членов волысполкома, в том числе и меня, вынесли постановление о расстреле. Но благодаря своевременного прибытия отряда чека тов. Налевайко (*Я. И. Налевайко – Р. М.*), который арестовал банду и жизнь была спасена» [Там же, папка 581]. Одновременно использовалась информация местного населения и перебежчиков, сообщавших о передвижениях противника.

В воспоминаниях о борьбе с повстанцами отсутствует сочувствие к противоположной стороне. Частично это продиктовано спецификой используемых источников, в которых участники антиповстанческих формирований доказывали свои заслуги перед революционной властью. Однако в целом это указывает на то, что образ повстанца вполне укладывался в негативный образ опасного врага. Так, партизанка Беляева вспоминала о том, как антоновцы заочно приговорили ее к сожжению на костре, а одного из ее знакомых действительно сожгли живо [3, д. 20, л. 150]. Обширный пласт негативной информации содержится в воспоминаниях командира Г. А. Фролова. Борясь с бандами в Бобровском уезде в 1919 г., он вместе с семьей попал в плен, «где в присутствии меня зарубили [моего] 9-тимесячного ребенка и жену и расстреляли брата Дмитрия так как он находился в моем отряде, а со мной начали делать разные пытки: прижигали на теле красные звезды, вырывали на ногах ногти на мизинцах и прикладные побои и мне пришлось бежать из-под расстрела прибыл в Сдавое (*так – Р. М.*) в нижнем белье, где отморозил руки, правую грудь и колено. По выздоровлении я опять принял отряд и в сражении с Колесниковым мне разбили грудь, где до настоящего времени идет гортанью кровь» [4, д. 961, л. 4-5].

Реакцией на все это были жестокость и чувство мести. Поджог села не считался экстраординарным событием, представляясь обычным способом ведения войны. Карательные операции с быстрыми расстрелами подозреваемых включены в структуру воспоминаний как одобряемое событие: «Отряд проделал большую работу, который с помощью активистов местных сел, преданных соввласти, выловил не один десяток ярых бандитов антоновцев, которые являлись активными участниками терроризации населения... расправа с ними была короткая, т.к. с нами был ревтрибунал, к стенке и дело кончено» [3, д. 20, л. 106 – 106 об.]. Бывший матрос С. Ф. Пятов, работавший в упродкоме Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1918 г., запомнил руководителя повстанцев Ефрема Меркулова, убившего несколько советских деятелей Моршанского уезда (в т.ч. предукома В. П. Лотикова), опознал его в Ташкенте в 1924 г. и выдал властям [2, папка 620]. Командир отряда В. В. Рубцов уже в 1923 г. был исключен из ВКП(б) и отдан под суд за самовольный расстрел 152 человек, получив, впрочем, 6 месяцев условно [5, д. 178, л. 10 об.]. В Тамбовской и смежной с ней Пензенской губерниях оставил кровавый революционный след матрос-кронштадтец А. К. Лисунов. Уже в 1930-е гг. он с увлечением вспоминал, как в Кронштадте в 1917 г. «сделали расстрел некоторых вредных офицеров и генералов пускали под лот живьем и жгли в топках», и как при штурме Зимнего дворца многих участников обороны дворца «покидали с третьего этажа... я сам кинул 3-х человек потому что мы сильно на них имели злобу». Вернувшись в декабре 1917 г. в родной Сердобск, он собрал там отряд из бывших моряков и начал партиями расстреливать буржуев. То же самое он повторил в 1918 г. в Тамбовской губернии, впрочем, вскоре отбыв в Сибирь. «Всего расстрелял на своей родине всего 56 человек своей собственной рукой со своим отрядом», – вспоминал он [6, д. 7, л. 6-12].

Жестокие военные испытания не проходили бесследно. Партизанка Беляева жаловалась о том, как после 1920 г. «полностью потерявшая здоровье и рассудок на фронт я больше не возвращалась и была направлена на лечение в г. Москву в психиатрическую лечебницу, где пролечилась 8 месяцев» [3, д. 20, л. 152].

Послевоенная судьба участников боевых действий против повстанцев, как правило, не давала примеров быстрого роста карьеры. Героический Г. А. Фролов после конфликта с Л. Д. Троцким был лишен орденов и в дальнейшем работал в совхозах, заведовал книжной базой на заводе Госмехчуглит [4, д. 961, л. 5]. Заведующим зерноочистительным пунктом коммуны стал Г. Н. Краснолуцкий, сторожем и колхозником – А. В. Бганцев [5, д. 3, л. 51, 208]; секретарем райкома, однако уже в 1924 г. исключенным из партии, был В. В. Рублев, заведующим спецчастью в одной из организаций работал В. И. Берсов [3, д. 20, л. 102], управляющим межрайонной конторой «Заготзерно» был А. М. Мещеряков [Там же, л. 199].

Тем не менее, некоторые участники борьбы с повстанцами сделали карьеру в ГПУ-НКВД. Интересно, что зарекомендовавших в борьбе с повстанцами деятелей могли изымать с мирной работы в ходе коллективизации или даже позднее – во время Великой Отечественной войны – для службы по охране спецобъектов. Так, начальник новохоперского ЧОН К. Г. Ладонов после службы в сельских парторганизациях и учебы в Москве дослужился до директора рыбзавода, но в годы Великой Отечественной войны был начальником лагеря НКВД. В 1945 г. он вернулся на должность директора рыбзавода [2, папка 613]. Бывший председатель волисполкома, а с 1925 г. рядовой работник хозяйственного товарищества М. Л. Радугин был призван для подавления крестьянского восстания 1930 г. в Лосевском районе Россошанского округа. В дальнейшем он дослужился до звания майора НКВД, был начальником тюрьмы, служил на охране аэродромов во время Великой Отечественной войны, получил квартиру в центре Воронежа [Там же, папка 581].

Работники, отличившиеся решительностью в действиях по отношению к крестьянам, могли сделать партийную карьеру. Так, молодой крестьянин и дезертир М. Т. Уразов, показавший качества энергичного работника во время изъятий хлеба 1918 г. и подавления крестьянских выступлений в Воронежском уезде (села Верхняя Маза и Шукавка), занимал ряд ответственных постов в Воронеже и Задонске в годы Гражданской войны, дослужился до члена Ленинского райкома ВКП(б) г. Москвы, будучи одним из организаторов репрессий 1936-1937 гг. против членов прежнего райкома [Там же, папка 609/1]. Высоких должностей не только в Воронеже, но и в Одессе, Москве достиг организатор реквизиций хлеба латыш Я. К. Абель [Там же, папка 625]. Рабочий И. А. Коноплин, боровшийся в качестве уполномоченного ЧК ЮВЖД с антоновцами, колесниковцами и махновцами, стал в 1930-е гг. секретарем райкома Воронежа, редактором газеты «Известия», занимал пост начальника штаба бывших красногвардейцев и красных партизан. Впрочем, репрессии приостановили взлет его карьеры, переместив его на более низкостатусные должности в районах области [Там же, папка 616].

Таким образом, в борьбе с повстанцами коммунистическая власть старалась опереться на местное население, бывших красных добровольцев, проверенных на военной и административной службе. В этом смысле это была война различных групп местного населения друг с другом, т.е. подлинно гражданская. Боевые действия с повстанцами демонстрируют общее для гражданской войны стремление максимально быстро решить исход боя, неустойчивость частей в бою [7, с. 15-38]. Одновременно проявились такие специфические черты антиповстанческой борьбы как зависимость ситуации от осведомленности и желания помочь местной администрации, атаки красноармейцев небольшими силами на значительно превосходящего противника. Несмотря на сообщения о переходе на сторону повстанцев советских работников и даже сочувствии коммунистических ячеек повстанцам [1, с. 23, 28, 34, 38], младшие командиры и бойцы Красной армии и ЧОН демонстрируют ожесточение, вписывают повстанцев в «образ врага». Характерно, что участие в борьбе с повстанцами, в реквизиционных отрядах могло стать импульсом для дальнейшей карьеры в ЧК – ОГПУ – НКВД, региональной или даже союзной администрации.

Список источников

1. **Борисов Д. А.** Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства 1920-1921 гг. М.: Посев, 2012. 164 с.
2. **Воронежский областной краеведческий музей.** Фонд участников гражданской войны.
3. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-905. Оп. 1.
4. **ГАВО.** Ф. Р-905. Оп. 2.
5. **ГАВО.** Ф. Р-1018. Оп. 1.
6. **ГАВО.** Ф. Р-1092. Оп. 1.
7. **Разиньков М. Е.** Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния. Saarbrücken: LAP, 2012. 183 с.

THE RED ARMY OFFICERS AND SOLDIERS IN STRUGGLE WITH THE PEASANT REBELLION WITHIN THE TERRITORY OF VORONEZH AND TAMBOV PROVINCES (1918-1921)

Razin'kov Mikhail Egorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
razinkov_mihail@mail.ru

To suppress rebels Communist power sought support of local population. The article analyzes the social origin of the Red Army soldiers, who struggled with rebels, examines their postwar destiny. The author considers peculiarities of combat against rebellious peasants, motives for bitterness that the Red Army soldiers manifested in this confrontation.

Key words and phrases: The Civil War; struggle against rebels; The Red Army; Kolesnikovshchina; Antonovshchina.